

Е.Ю. Калинина*

ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКТЫ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ. НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ В ИСПАНИИ В 1976–1982 ГОДЫdoi:10.31518/2618-9100-2024-5-7
УДК 94(4)+342*Выходные данные для цитирования:**Калинина Е.Ю. Память и забвение как социальные конструкты в процессе трансформации государственно-правовой системы. На примере переходного периода от авторитарного режима к демократическому в Испании в 1976–1982 годы // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 90–102.**URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-07.pdf>*

E.Yu. Kalinina*

MEMORY AND OBLIVION AS SOCIAL CONSTRUCTS IN THE TRANSFORMATION OF THE STATE-LEGAL SYSTEM: THE CASE OF THE TRANSITION FROM AUTHORITARIAN REGIME TO DEMOCRACY IN SPAIN (1976–1982)

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-7

*How to cite:**Kalinina E.Yu. Memory and Oblivion as Social Constructs in the Transformation of the State-Legal System: The Case of the Transition from Authoritarian Regime to Democracy in Spain (1976–1982) // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 90–102. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-07.pdf>]*

Abstract. Every new democratic government that emerges after a long period of authoritarian rule faces the challenge of establishing a historical memory as part of its efforts to form a national identity. Including the past in the “democratic memory” can be a difficult process, as it requires considering the role that certain groups played in the previous regime, which can be painful for some members of society who may have tacitly supported or actively participated in the dictatorial system. As a result, strategies like forgetting or therapy are sometimes used to integrate the past into the present. Despite the importance of maintaining the continuity of national history, efforts are being made to incorporate the past into contemporary life through the creation of historical memory. Within this research, the author analyzes the scientific and ethical principles of historical research, as well as the social conflicts related to linking the concepts of “memory” and “history” with “values”, “justice”, and “truth”. The author sets as a goal the identification of contradictions in the formation of historical memory during the transformation of the country’s legal system from an authoritarian regime to democracy. Based on this, the author proposes basic principles for the construction of this social phenomenon. The period of transition in post-Franco Spain, between 1976 and 1982, serves as an example. It can be divided into three key stages: the death of the dictator and the beginning of changes (1976–1977), the adoption of the new Constitution (1978), and the unsuccessful coup attempt and subsequent general elections (1981–1982). These events showed the consolidation of the population’s support for democratic changes. During this time, there was a process of creating myths about historical memory through politics, law, and ideology. This process was accompanied by major social contradictions, including political debates, demands for justice and compensation for relatives of those repressed under the old regime, the adoption of laws on historical memory, and other initiatives.

Keywords: Historical memory, history, legal consciousness, transition period, democratic regime, authoritarianism, Spain, politics of memory, state legal system.

* **Елена Юрьевна Калинина**, доктор юридических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bellafior@mail.ru
Elena Yur’evna Kalinina, Doctor of Law, Associate Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, e-mail: bellafior@mail.ru

The article has been received by the editor on 01.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Каждый новый демократический режим, появляющийся после длительного авторитарного правления, сталкивается с проблемой формирования исторической памяти в связи с неизбежной трансформацией национальной идентичности. Включение прошлого в эту «демократическую память» может стать трудноразрешимой задачей, так как она предполагает рассмотрение причастности части национального сообщества к диктатуре. Этот опыт является очень болезненным, поскольку требуется принять, что часть населения либо молчаливо поддерживала, либо участвовала в политике, и, как правило, для его усвоения применяется стратегия либо забвения, либо терапии. В любом случае в силу необходимости сохранения преемственности и непрерывности национальной истории происходит интеграция прошлого в настоящее путем конструирования исторической памяти. В рамках настоящего исследования автор анализирует научно-этические принципы исторического исследования, а также общественные конфликты, связанные с необходимостью согласовывать понятия «память» и «история» с идеями «ценности», «справедливости», «правды». Ставя в качестве исследовательской цели выявление противоречий в процессе формирования исторической памяти в контексте трансформации государственно-правовой системы, автор формулирует основные принципы конструирования этого социального феномена. В качестве примера рассматривается транзит в постфранкистской Испании в 1976–1982 гг. Хронологические рамки связаны с тремя ключевыми моментами: смерть диктатора и начало перемен (1976–1977 гг.), принятие конституции (1978 г.) и неудачная попытка государственного переворота с целью возвращения к старому режиму и последующие всеобщие выборы, показавшие консолидацию населения перед лицом демократических преобразований (1981–1982 гг.). В статье показан алгоритм конструирования основополагающих мифов исторической памяти в процессе демократизации в политике, законодательстве и идеологии, а также выявлены основные социальные противоречия последнего десятилетия, связанные с политическими дебатами, требованиями справедливости и возмещения ущерба со стороны родственников репрессированных принятием закона об исторической памяти и другими инициативами.

Ключевые слова: историческая память, история, правосознание, переходный период, демократический режим, авторитаризм, Испания, политика памяти, государственно-правовая система.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024 г.

Историческая память в процессе трансформации государственно-правовой системы. Вопросы исторической памяти и забвения, социально-психологических феноменов, обуславливающих формирование индивидуальной и групповой идентичности, поставленные и обсуждаемые в разное время М. Хальбваксом, Я. и А. Ассман, Ж. Ле Гоффом, П. Нора и другими крупными учеными, не теряют актуальности в современности. Новая культура памяти – особенно в западном мире – основана на чрезмерном внимании к прошлому, постоянно воспроизводящемуся в массовой культуре. Навязчивая идея памяти и забвения представлена как модель, регулирующая отношения настоящего с прошлым. Это полюса, вокруг которых вращается мнемическая деятельность. Одержимость памятью связана с «социальной амнезией»¹.

---

¹ Pérez Baquero R. Memoria y olvido en nuestro régimen de historicidad // Actas II Congreso internacional de la Red española de Filosofía. Vol. III. Madrid, 2017. P. 115–126.

Создается иллюзия всеобщего знания истории. Вместе с тем, становясь продуктом, который выгодно продается, история превращается в обыденном массовом сознании в набор штампов, нередко дурного вкуса, которые опосредуют состояние социального беспамьяства. Пока дело касается, скажем, компьютерных игр или сериалов на «исторические» темы, ситуация представляется безобидной. Однако историческая память и забвение – особенно в XX в. – нередко становились инструментом формирования и коррекции общественного сознания и правосознания. Особенно ярко эти процессы проявились в период перехода от авторитарных политических режимов к демократическим.

Такой переход («транзит» в политологической терминологии), произошедший в Испании в 1976–1982 гг., долгое время в науке и в общественно-политическом дискурсе представлялся как модельный, в особенности с позиции заинтересованных в его результатах акторов. Но в первом десятилетии XXI в. стали слышны недоуменные голоса исследователей, обнаруживших ряд несостыковок и несоответствий. В настоящее время в Испании произошла значительная переоценка как самого переходного процесса, так и ответов, которые давались на вопросы о сущности исторической памяти. Эти вопросы носили не только теоретический, но и практический характер, поскольку речь шла об определении статуса, в том числе в рамках правового поля, жертв диктаторского режима. Оказалось, что не так просто даже установить, кто подпадает под это определение, а тем более принять решение о том, что с этим делать, насколько далеко может простираться идея «восстановления исторической справедливости». Этот процесс принес осознание того, что память о нашем прошлом формируется в нашем настоящем («прошлое воссоздается исходя из идеологических, политических и этических целей общества настоящего»²), следовательно, с одной стороны, это мост между различными временными слоями, но, с другой стороны, это не более чем социальный конструкт, напрямую с прошлым не связанный. Память, связанная с историческим сознанием, отличается от научного знания, хотя между ними существуют обширные области совпадения. Дело не только в степени, точности или глубине. Осознавая настоящее, будущее и прошлое, общества, группы, индивиды могут свободно вспоминать то, что им больше всего подходит. Запоминание, забвение, искажение, подчинение, выделение, изменение, замалчивание, воображение – все это допустимые операции для построения идентичности³. «История – это повествование, у которого много начал, но нет конца»⁴. Такой вывод оказывает влияние не только на юридическую и политическую практику, но и на развитие наук, которые в качестве предмета изучения называют коллективную память.

В настоящем исследовании планируется выявить противоречия формирования дискурса памяти в рамках политико-правового пространства, сформулировать его основные принципы на примере ситуации, сложившейся в постфранкистской Испании. Этот пример показателен, так как изучение сущности и содержания динамики исторической памяти в ходе испанского транзита от авторитаризма к демократии позволяет понять, как менялся образ прошлого, заложенный в общественном сознании и правосознании. Рассмотрев эти изменения в контексте модели памяти/забвения, можно сделать выводы о ее использовании в качестве политико-правового инструмента. В более отдаленной перспективе существует вероятность воссоздания процесса взаимодействия между профессиональными историками и политическими акторами в формировании картины мира, прежде всего образов прошлого, настоящего и будущего, которые образуют целостность и тем самым создают основу для социальной идентичности.

² Ponce N. Memoria, olvidos y representaciones // Alter/nativas, “Memoria de la ficción, ficción de la memoria, entre el ritual y la crítica”. Ohio University, 2018. P. 26–58.

³ Romero L.A. Recuerdos Del Proceso, Imágenes De La Democracia: Luces y Sombras En Las Políticas De La Memoria // Clío & Asociados. La Historia Enseñada. 2003. № VII. P. 113–122.

⁴ Martínez Lamas D. Recuerdo de la política y política del recuerdo Sobre el concepto de memoria en Hannah Arendt // Lo Sguardo – rivista di filosofia. 2019. Vol. 2, № 29. P. 64.

Память и забвение в формировании национальной идентичности. Сочетание процессов памяти/забвения прежде всего служит для преодоления травмирующих воспоминаний. Этот же механизм существует и в индивидуальной психологии, но в сфере социальной памяти процесс более или менее управляем. Эта управляемость порождает иллюзию политиков о том, что существуют инструменты управления коллективным сознанием. На самом деле это возможно частично. Вытесненные воспоминания могут становиться латентными и внезапно проявляться спустя столетия, если травма не «вылечена». Примеры этого существуют и в средневековой истории, в том числе в рассматриваемой в рамках настоящего исследования Испании, и в современной действительности. Травмы гражданской войны сегодня неожиданно влияют на политический климат и принятие решений, в том числе в правовой сфере.

Национальная идентичность должна включать осознание хронологической целостности существования во времени. Каждое сообщество с целью создания идентичности устанавливает связи и отношения между прошлым и настоящим, настоящим и будущим. Индивиду и сообществу необходимо знать свое прошлое, чтобы утвердить идентичность и позиционировать себя в пространстве-времени через набор представлений, служащий ядром, вокруг которого формируется представление о своем Я.

Для понимания сущности идентичности как протяженности Я во времени можно воспользоваться введенными Р. Козеллеком метаисторическими категориями «пространство опыта» и «горизонт ожиданий»⁵. Опыт и ожидания относятся к прошлому, но конструируются в настоящем, проецируясь в будущее. Разрозненные элементы опыта настоящего получают целостность и систематичность в рамках «пространства опыта», т.е. прошлое, становясь источником синтеза и упорядоченности, приобретает видимость познаваемости. Напротив, «горизонт ожиданий» открывает неопределенную, нередко хаотичную множественность в рамках будущего. Настоящее приобретает свое значение и историческую ценность через связь с прошлым и будущим.

Картина мира в определенный исторический период связана с тем, какое внимание уделяется каждой из этих категорий. Так, например, для Средневековья характерно сужение значимости ожиданий и концентрация на опыте. Это свойственно обществам, чья экономика основана в первую очередь на сельском хозяйстве, зависимом от природных циклов и традиционного устройства, фундаментом которого являлись повторяемость и продление опыта прошлого. Отождествление будущего с повторением прошлого, согласование социальной эволюции с ритмами природы, нормативный вес традиции характерны для периода, когда «горизонт ожиданий» практически замкнут и не представляет новизны по сравнению с тем, что содержится в «пространстве опыта».

Напротив, период Нового времени, связанный с понятием прогресса, основан на предположении, что все последовательно меняется, причем в лучшую сторону. Происходит расширение «горизонта ожиданий», в то время как делигитимация прошлого влечет за собой значительное снижение важности «пространства опыта». Такой оптимистический взгляд, устремленный в будущее, предполагал своеобразный взгляд на прошлое, которое а priori объявлялось худшим, чем современность и тем более будущее. Лишь для отдельных периодов делалось исключение, например для классической Античности, ставшей основой для Возрождения. Тем более «темным» на этом фоне становилось Средневековье. Но самой большой проблемой такого типа мышления о прошлом стал разрыв в исторической памяти, ее искажение. Во второй половине XX в. это оказало губительное воздействие на идею будущего, которое основывается непосредственно на опыте. Настоящее тоже утратило определенность, и будущее могло вовсе не вытекать из него, становясь непознаваемым. Отсутствие будущего обусловило новое возвращение к прошлому как источнику ценностей и смыслов. Постмодерн указал на бесполезность выстраивания определенного образа как будущего, так и прошлого в связи с недоверием к носителям исторической памяти. Наше время перестает

⁵ Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 149–173.

быть единым и непрерывным, что порождает чувство растерянности, аномальности, дезориентации, фрагментации опыта. На основе этого складываются социальные и культурные практики, которые восстанавливают прошлое как интеграционное ядро настоящего и основу для будущего. В рамках этого процесса с начала 1980-х гг. наблюдается явление, которое историк Дж. Винтер назвал взрывом памяти⁶. Культ прошлого, проявляющийся в сфере культуры, политики, права и особенно маркетинга, является симптомом нового понимания того, что представляет собой время.

Обращение к прошлому в рамках этого процесса представляется избирательным. Р. Перес Бакеро указывает, что память о таком травмирующем событии, как Холокост, была искусственно превращена в негативную парадигму новой демократической культуры, в рамках которой происходит осмысление социальной идентичности⁷. Так возникает мемориальный канон, определяющий основополагающие социальные практики. Тогда мы сталкиваемся с тем, что, во-первых, память недостоверна сама по себе, поскольку избирательна и полностью зависит от особенностей запоминаящего субъекта, а во-вторых, она включает в себя не только структурированную информацию о прошлом, но и конструкты – мнемические модели, которые становятся ядром для формирования коллективного сознания. Прошлое воссоздается исходя из идеологических, политических и этических целей общества настоящего⁸.

Забвение, которое стало константой современной культуры исторической памяти, связано еще с одним ее положительным аспектом – новыми техническими возможностями хранения информации. Интернет позволяет хранить и потреблять такое количество информации, которое никогда не было доступно человечеству. Но иллюзия наличия «внешнего носителя» вкуче с количеством информации (и практическим отсутствием ее структурирования) ведет к «провалам» в социальной памяти. Забвение связано еще и с тем, что Испания в образовании очень мало уделяет внимания воспоминаниям о недавнем прошлом, на основе которого была построена демократия 1978 г.⁹

Трансформация исторической памяти в процессе перехода от авторитаризма к демократии. Вопросы формирования и реформатирования исторической памяти со всей очевидностью встали в Испании во второй половине 70-х гг. XX в. Однако эти вопросы не теряют своей актуальности и сегодня. Из всех государств Европы, особенно тех, что пережили переход от авторитарных режимов к демократическим, Испания наиболее озабочена проблемами памяти. Со времени транзита было принято уже несколько законов об исторической памяти, но ни один из них не устраивает полностью общество. Это означает, что в рамках мемориальной политики до сих пор не найден универсальный рецепт излечения травм прошлого, удовлетворенности настоящим и построения фундамента для будущего. Каждое поколение ставит свои вопросы, связанные с памятью о переходном периоде, и такие вопросы отражают проблемы именно этих поколений, хотя касаются предыдущих. Память предстает как акт настоящего, основной задачей которого является не столько реконструкция прошлого или выявление его недостатков, а интерпретация отношения, существующего между прошлым, настоящим и будущим¹⁰.

Это свидетельствует о том, что идентичность нецелостна. Одним из ярких проявлений этого можно считать неоднозначное отношение к переходному периоду. Если по поводу авторитарного режима сложился более или менее видимый консенсус, то переход либо вызывает к жизни восторженные оценки, либо яростно критикуется. Вопросы исторической памяти, а следовательно, справедливости, ценностей, морали, стоят особенно остро.

⁶ Pérez Baquero R. Memoria y olvido en nuestro régimen de historicidad...

⁷ Ibid.

⁸ Ponce N. Memoria, olvidos y representaciones...

⁹ Izquierdo Martín J. Recuerdo sobre fondo gris. Democracia y memoria herida en España // CONFLUENZE. 2018. Vol. X, № 2. P. 105–126.

¹⁰ Pérez Serrano J. Experiencia histórica y construcción social de las memorias: La Transición española a la democracia // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2004. № 3. P. 93–122.

В 1976 г. в Испании скончался диктатор Ф. Франко. В течение нескольких лет институты авторитарного режима были заменены демократическими, одобренными как представителями государственной власти, так и оппозиции, как сторонниками «разрыва» с прошлым, так и апологетами мирных и последовательных реформ, проводимых «сверху». Это стало возможным потому, что путь к демократии пролегал через придание процессу одновременно двух важнейших политико-правовых качеств, которые очень редко присутствуют вместе в рамках транзита (они считаются свойственными демократическому режиму): легитимность и легальность (законность). Принцип легальности позволил реформам проходить упорядоченно, постепенно и согласованно. Социальная поддержка придала новым институтам легитимность.

Основы мифологии переходного периода. Политико-правовой феномен Пакта определил сущность переходного периода. Конституция 1978 г. также явилась результатом консенсуса между политическими и общественными силами. Некоторые ее формулировки ученые считают «двусмысленными» и «противоречивыми»¹¹, отмечая, что документ представляет собой результат различных договоров и сделок, пакт, отражающий взаимодействие между региональными, политическими, правовыми, культурными и другими интересами. Но самое главное, что способствовало беспрецедентно мирному переходу, – это «молчаливое согласие превратить переходный период в основополагающий миф испанской демократии, способный искоренить в коллективной памяти испанцев трагическую память о гражданской войне»¹².

Одно из проявлений мифологии исторической памяти того периода – представление о том, что произошел чуть ли не квантовый скачок от диктатуры к демократии, тогда как легитимность процесса обеспечивалась тем, что они происходили в полном соответствии с франкистским законодательством. Закон о политической реформе 1976 г. был разработан и принят законодателями режима. Действующий состав парламента, осознавая, что принятие подобного закона приведет к самороспуску и назначению новых выборов, тем не менее пошел на этот шаг. Новый монарх вступил на престол в соответствии с Законом о престолонаследии от 26 июля 1947 г. по прямому указанию Франко (1969 г.), хотя фактически династическими правами обладал его отец граф Барселонский. На разных уровнях власти, от министерств до муниципалитетов, а также на командных постах в армии продолжали находиться те же люди, что и во время диктатуры. Но авторитарный режим сменился парламентской монархией, основанной на всеобщем избирательном праве и широком представительстве.

В исторической памяти переходного периода сформировался миф, основанный на образах непрерывности и изменении, которые настолько тесно переплетаются, что порой их трудно реконструировать даже современному исследователю. Но социальный консенсус позволил свести совокупность воспоминаний в некоторое подобие системы, в которой доминирующими являются оба этих принципа в своей неразрывности. Это сформировало мемориальный комплекс официальной демократической памяти.

Еще одним значимым элементом памяти переходного периода стала «антимифология» франкистской памяти. Диктаторский режим осознавал ценность исторической памяти, основанной на мифологическом фундаменте. Изначально он строился на антитезе памяти о республиканском периоде – он однозначно объявлялся злом, а все, что выстраивал режим, было способом это зло исправить. Но память о гражданской войне не просто была сильна – она оказалась одной из самых значимых травм, переживаемых испанским народом. Ее следы сохраняются и сегодня, хотя уже вряд ли остались свидетели тех времен. Поэтому режим обратился к отдаленным временам – раннему Новому времени, когда происходило становление национальной испанской государственности, а также к героическим страницам Средневековья.

¹¹ Pérez Serrano J. Memoria y olvido en nuestro régimen de historicidad...

¹² Ibid.

Двумя важными элементами франкистской мифологии, сформировавшей историческую память, стали молчание и страх. Режим стремился использовать механизмы забвения, но полностью стереть память о половине страны, которая сражалась или молча поддерживала Республику, было невозможно. Поэтому политика строилась, в том числе, на манипулировании страхом и замалчивании того, что не вписывалось в идеологию. Страх стал постоянным элементом повседневной жизни на протяжении всего периода существования режима, но особенно в первые два десятилетия авторитарного правления. Новые поколения могли бы вырасти в полном неведении о том, что произошло, если бы не личные воспоминания «на кухне». Но при этом родители передали им ношу научения забвению. Это привело к тому, что общество стало безразличным к политическим вопросам. Политика стала делом чиновников, и быть аполитичным служило синонимом «порядочного человека». С другой стороны, молодежь, не пережившая гражданскую войну и последовавшие за ней репрессии, сформировала образ диктатуры на основе образа престарелого диктатора, который уже был пожилым, больным и, казалось, не мог повлиять на их судьбы. К этому времени уже почти нигде не употреблялось слово «фашистский» по отношению к режиму Ф. Франко, что тоже влияло на его легитимацию. Правитель был признан международным сообществом (прежде всего администрацией США и некоторыми представителями консервативных политических сил Европы) и проводил экономические реформы, что оказало влияние на формирование картины мира. Это сыграло свою роль в процессе перехода. Оппозиция, призывавшая к «разрыву» с прошлым режимом и революционным изменениям, не могла найти сторонников среди апатичного по отношению к политике населения.

Новый режим решил использовать ключевой компонент для построения новой политической мифологии, заложенной в основу демократической исторической памяти – была растревожена травма гражданской войны. В массовой культуре образовался вал произведений о войне в разных аспектах. Но при этом – что очень важно для исследуемой темы – поток произведений о гражданской войне контрастирует с недостатком произведений, восстанавливающих память о республиканском режиме. Случайно это или нет, но, по наблюдениям автора настоящего исследования, у современных испанцев неполные или искаженные сведения об этом периоде не такой давней истории. Республика ассоциируется с войной, что не придает ей положительный окрас, а нередко возникает прямая связь между Республикой и началом конфликта, приведшего к гражданской войне. Можно сделать вывод о том, что ни для диктатуры, ни для демократического правления память об этом периоде истории в рамках сложившейся национальной идеологии не является значимой. В результате реконструкция исторической памяти о гражданской войне как компоненте мифологии переходного периода связана с забвением и манипулированием памятью о Республике. Война представляется как связующее звено между Республикой и диктатурой, где первая представляется как причина, а вторая как следствие¹³. В этом выражается непрерывность памяти, которая тем не менее предстает искаженной с точки зрения историка. Для чего это было нужно диктаторскому режиму, более или менее ясно. Причина, побуждающая демократическое правление использовать миф о Республике как негативном явлении в истории страны, менее очевидна. Но ее тоже можно реконструировать: в переходный период нужно было минимизировать претензии республиканцев, точнее приверженцев идеи Республики, на компенсацию и на возможность предъявить политические требования, например по установлению соответствующей формы правления. Так проявился такой социальный феномен, который сегодня некоторые историки называют «институциональной амнезией»¹⁴, которая обусловила само развитие процесса демократизации и в конечном итоге привела к реформированию франкистского режима.

Ядром политической мифологии, заложившей основу исторической памяти о переходном периоде, стала идея «национального примирения», в которой Конституция 1978 г.

¹³ Pérez Serrano J. Memoria y olvido en nuestro régimen de historicidad... P. 94.

¹⁴ Movellán J. Historia, memoria y olvido durante la transición hacia la democracia // Les Cahiers du CTDEE (Centre Toulousain de Documentation sur l'Exil Espagnol). 2021. № 15. P. 20–28.

называется «актом о мире»¹⁵. Она же проявилась в будущем в качестве краеугольного камня. Идея «национального примирения» – логическое продолжение сложившейся ситуации: на самом деле ни один из крупных коллективных игроков 70-х гг. не обладал силой, позволявшей полностью достичь целей без серьезных рисков и потерь. Режим в целом исчерпал кредит легитимности; республиканцы, ратующие за восстановление социальной справедливости по отношению к погибшим и репрессированным, не находили достаточного количества сторонников; региональные силы, пожалуй, были наиболее значимым фактором, оказавшим влияние на политику переходного периода, но они были разрознены, и каждая стояла за локальные интересы, а по отдельности оставались слишком малочисленны. Обратим также внимание на тот факт, что представители как режима, так и оппозиции официально декларировали лояльность сложившимся образам исторической памяти, ее символам, дискурсам об идентичности, мемориальным ритуалам, основополагающим мифам, ценностям и исторической миссии.

С целью минимизировать риски проявления общественного недовольства политические акторы старались не обращаться к народу, затрагивать основы исторической памяти которого было бы недопустимо. Согласованная в верхах реформа основывалась, скорее, не на «национальном согласии», как то декларировалось субъектами пакта (режим, оппозиция, Церковь, профсоюзы, вооруженные силы, партии), а на политическом компромиссе. Должно было пройти около двух десятилетий, чтобы общество заметило, что ему приписывались определенные образы картины мира, которые в существующей ситуации были приняты, но не стали внутренним содержанием общественного сознания. Ни правительство, ни оппозиция не пользовались безусловной поддержкой граждан, а потому не могли эффективно выступать в качестве их представителей в процессе определения политики переходного периода. Диктатура находилась в кризисе еще с 1960-х гг. – она была не способна обеспечить свое воспроизводство и не могла адаптироваться к новым обстоятельствам. Представители правящего класса не были сплочены, у них уже не было универсальной идеи, на которой обычно строятся авторитарные режимы. Оппозиция испытывала недостаток в ресурсах: финансовых, человеческих, организационных, легитимационных. Она не могла предложить внятную идеологию, способную поднять народ.

Основополагающей формулировкой, которая могла бы задать ориентир в процессе транзита, стал лозунг «больше никогда». Но этот призыв не повторять прошлое мало что говорил о будущем, а потому не имел шансов зажечь сердца сторонников перемен. Впрочем, это заставляло стороны прислушиваться друг к другу, идти на компромиссы, способствовало легитимности процесса. В рамках формирования исторической памяти немалую роль сыграли историки, создавшие официальные мемориальные модели, в которых консенсус был объявлен основной чертой большинства крупных преобразований в истории Испании. В той современности значимым образом, закрепленным в Конституции и других нормативно-правовых актах, стал образ короля Хуана Карлоса I – «короля всех испанцев» (курсив мой. – Е. К.).

В процессе разрыва с прошлым и построения будущего необходимо было формулировать новые мифы исторической памяти, способствующие интеграции национальной идентичности. С одной стороны, было необходимо осуществлять амбициозную программу модернизации, направленной на укрепление потенциала государства, с другой – чтобы подчеркнуть историческое значение смены режима, требовалось найти опору в прошлом, чтобы заявить о «возрождении государства». Для этого приходилось не просто обращаться к тем или иным историческим эпизодам и фигурам, как это делал Франко, выстраивая Испанию по образцу империи, заложенной Фердинандом и Изабеллой, но еще и переориентировать сложившийся массив исторической памяти, устраняя воспоминания о персонажах и периодах, которые не

¹⁵ Vidal Prado C. La nación española en la transición política a la democracia: recuperemos la memoria y el auténtico relato de la transición // Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades y Relaciones Internacionales. 2021. № 47. P. 255–278.

соответствуют духу национального согласия и примирения. Так на помощь опять приходит стратегия забвения.

Национальное согласие и пакт оказались основополагающими мифами исторической памяти переходного периода, источником легитимности, который стал подвергаться сомнению лишь в рамках последнего десятилетия. Когда автор настоящего исследования работала над кандидатской диссертацией по теме переходного периода в Испании, в начале 2000-х гг. практически вся научная литература и периодика основывались на образе «беспрецедентно мирного перехода» на основе национального согласия и политического пакта. Ближе к середине 2010-х гг. образ начал меняться, а исследователи поставили под сомнение эту картину, находя все больше несоответствий, «темных пятен», несовместимых с мифологией, выстраивающей идентичность. Возник запрос на реконфигурацию и восстановление исторической памяти. Этот запрос был связан с тем, что в процессе перехода не учли, что конструирование исторической памяти понимается в терминах памяти о насилии и строится на основе возможности требовать справедливости. По сути, создается содержание, направленное на выявление и признание вины¹⁶.

Память о Республике, гражданской войне и франкизме как репрессивном авторитарном режиме все еще периодически возникает как контрастирующая с официальным дискурсом о примирении, которое на самом деле не состоялось. Это течение не смогло подвергнуть сомнению основы национальной идентичности, хотя современные проблемы, связанные с потоками миграции и угрозой общекультурным ориентирам, глобализацией и размыванием региональных и этнических сообществ, противоречиями между традиционными и современными ценностями, вызывают к жизни размышления о сущности переходного периода и его идеологических основ. Представители ряда социальных групп, разочарованные политикой последних десятилетий, стали задумываться о возможном пересмотре не только итогов деятельности существующего режима, но легитимности и легальности самого перехода. Как считается, к демократии предъявляли завышенные ожидания, что в конечном итоге вызвало разочарование и перерастание обожания в ненависть¹⁷.

Нормативные основы закрепления исторической памяти. Национальное согласие, примирение, основанное на прощении всех участников раскола, объединении всех политических сил в рамках консенсуса, воспринималось как насильственное забвение, поэтому стали рутинными ссылки на потерю памяти, молчание, амнезию¹⁸. Именно таким образом сегодня трактуются основные идеи, заложенные в Закон об амнистии 46/1977 от 15 октября 1977 г. «Закон об амнистии гарантировал не только освобождение политических заключенных, заключенных режимом в тюрьму, но и безнаказанность тюремщиков. Амнистия и амнезия слились воедино по своему значению»¹⁹. Таким образом, Испания отказывалась от построения своей идентичности. Забвение, прописанное в законе как основа исторической памяти, привело к тому, что появились мнения, несовместимые друг с другом и основами политики, проводимой в эти десятилетия. С одной стороны, звучали голоса в пользу необходимости реабилитировать жертвы гражданской войны и репрессий, а с другой – о необходимости реабилитации диктаторского режима (собственно, диктатуры не было, правительство проводило экономические реформы, направленные на рост благосостояния, франкисты, по сути, сами принесли демократию). Здесь нужно отметить роль историков. В период франкизма они проводили исследования, основанные на социально-политических мифах режима, в период перехода работы стали базироваться на соответствующей мифологии. Еслиобыватель начнет изучать статьи и книги, вышедшие до 1960-х гг., он, не умея критически воспринимать информацию и обнаруживать факты под слоем господствующей социальной идеи, обуславливающей картину мира, сможет «открыть», что демократические историче-

¹⁶ Valdivieso A., Vera D., Pastrana E., Cabrera F., González P., Castro R. Construcción de la memoria histórica: aportes conceptuales y metodológicos // POLICY PAPER. 2017. № 4. P. 2–22.

¹⁷ Romero L.A. Recuerdos Del Proceso...

¹⁸ Movellán J. Historia, memoria y olvido durante la transición hacia la democracia...

¹⁹ Mérida Donoso J. A. La desmemoria oficial: reflexiones sobre la memoria y el olvido en el exilio español // Tonos digital: revista de estudios filológicos. 2012. № 23.

ские источники «обманывали», говоря о сущности авторитаризма. На этой основе выстраивается ревизионизм. Вот уже 20 лет ведутся споры о необходимости судебного преследования за преступления, совершенные в период диктатуры, а также высказываются идеи о пересмотре истории, лежащей в основе официальной «демократической памяти». В этом смысле важен Закон 20/2022 о демократической памяти. Его принятие в 2022 г. вызвало волну общественных и политических дискуссий в поисках наиболее адекватного подхода к оценкам событий прошлого²⁰. Причины того, что общество до сих пор не примирилось внутри себя (хотя до начала 2000-х казалось, что наступили мир и согласие), заключаются в самой истории Испании, которую, разумеется, невозможно кратко описать в рамках статьи, посвященной другому вопросу. Но есть и еще одна причина, суть которой состоит в том, что в случае смены режима очень трудно оценить в свете нового конституционного порядка действия, которые предприняты, пока он не действовал. Именно этот вопрос и пытаются решить в современной Испании, не понимая еще, что он не имеет ответа.

Гражданская война, развернувшаяся между 1936 и 1939 гг. и положившая конец Республике, привела не только к гибели сотен тысяч человек, но и к многочисленным пыткам, изнасилованиям, насильственному перемещению, публичному унижению и другим ужасным деяниям как со стороны республиканцев, так и со стороны так называемых националистов. После окончания гражданской войны победители развернули идеологическую кампанию по признанию и реабилитации собственных жертв и полному забвению жертв с другой стороны. Жертвы со стороны националистов не только получили компенсацию и признание, но составили ядро исторической памяти: их именами называли улицы, в их честь воздвигались надгробия, проводились торжественные мемориальные церемонии. Политика примирения в переходный период была согласована между представителями режима и оппозиции. Высказывались мнения о том, что возвращение к демократии должно означать историческое поражение победителей в гражданской войне. Это не было принято из-за боязни раскола общества вместо его консолидации перед лицом перемен, сулящих не только внутренние трансформации, но и «возвращение в европейскую семью». Поэтому политика признания жертв со стороны республиканцев не состоялась.

Однако это не означает полного отсутствия признания жертв. Принятый еще в 1976 г. Указ 670/1976 от 5 марта предусматривал выплату пенсий лицам, ставшим инвалидами в результате ранений, полученных во время гражданской войны. За этим указом последовал Закон 35/1980 от 26 июня 1980 г. о пенсиях лицам, потерявшим трудоспособность в результате гражданской войны. В 1978 г. были признаны экономические права военнослужащих, служивших до 18 июля 1936 г. и уволенных в результате чистки, проведенной победившей стороной. Закон 5/1979 от 18 сентября признавал определенные льготы для жертв войны и их родственников с обеих сторон. Однако наиболее значительным стало принятие Закона 52/2007 от 26 декабря, который включал в себя признание жертвами всех подвергшихся преследованиям за политические, идеологические или религиозные убеждения с начала гражданской войны и до конца диктатуры. Это означало признание жертв уже не только гражданской войны, но и диктатуры. Кроме того, закон содержал заявление о нелегитимности судов и аналогичных органов, которые были бы созданы для применения санкций по политическим, идеологическим или религиозным мотивам во время диктатуры для проведения чисток. Признание жертв гражданской войны и диктатуры на этом не заканчивается: в 2022 г. принят Закон о демократической памяти, который повторяет и углубляет некоторые положения закона 2007 г. Тем не менее возмещение ущерба и признание жертв политических конфликтов, происходивших в Испании с 1930-х гг., были асимметричными. Победившая в гражданской войне сторона возместила ущерб своим жертвам и признала их в годы диктатуры; признание жертв со стороны республиканцев хотя и началось одновременно с процессом демократизации, развивалось менее интенсивно

²⁰ Arenas R. Memoria, historia y olvido en las transiciones a la democracia // 40 Años De Democracia Argentina. La Mirada De Los Otros. Córdoba, 2024. P. 121–44.

исходя из духа примирения, которое характеризовало переходный период и основывалось на экономических компенсациях или символических признаниях.

Очень трепетно испанцы относятся к возможному «возвышению» жертв с той или другой стороны: это может спровоцировать серьезный конфликт и углубить существующие в обществе расколы. Так, например, в 1999 г. в Астурии было принято решение о канонизации священников – жертв гражданской войны. Республиканцы совершали немало карательных актов, направленных против духовных лиц, в то время как консервативные представители франкизма, напротив, стояли на стороне Церкви (одним из первых документов, принятых Ф. Франко, был конкордат с Ватиканом). Поэтому канонизация священников послужила бы не только восстановлению их памяти, но могла бы способствовать разжиганию ненависти в обществе. Закон 2022 г. направлен на то, чтобы преодолеть подобные ситуации, и направлен на создание общей памяти, противоположной той, что была создана во время режима Ф. Франко. Тем не менее это не всегда успешно реализуется: нелегко отделить признание жертв от защиты идей, которых придерживались эти жертвы. Таким образом, когда мы сталкиваемся с конфликтной ситуацией, в которой были жертвы и жестокие действия с обеих сторон, признание может оказаться несовместимым с таким же признанием со стороны других. Это касается как памяти о гражданской войне, так и о ситуации, сложившейся перед самым переходным периодом. Еще в период диктатуры активизировалась террористическая деятельность со стороны ЭТА (баскской политической организации). Закон об амнистии 1977 г. ее деятельности не касался, осуждая любые террористические действия. Однако терроризм басков возник в качестве ответной реакции на террористические по своей сути действия режима по отношению к этому национальному региону²¹. Если бы не ряд кровавых акций, в которых пострадали обычные граждане (как правило, члены организации совершали точечные акты против политических деятелей режима и военных), их могли бы в какой-то период считать борцами с режимом. Поэтому крупные политические убийства, совершенные ЭТА, не попали под амнистию. Это вызвало серьезное недовольство со стороны басков. Существующая политическая нестабильность в регионе привела к принятию правительством двух декретов-законов о продлении амнистии, которые на этот раз затронули баскских заключенных, обвиняемых в терроризме, но без кровавых преступлений в багаже²².

Заключение. Признание и восстановление памяти жертв диктатуры в Испании является нерешенной задачей современной демократической системы²³. Противоречия в политике памяти приводят к непрекращающимся конфликтам и дискуссиям, где одна сторона утверждает, что политика мира 1970-х гг. была призвана предотвратить новую трагедию гражданской войны. Как правило, это мнение высказывают люди, принадлежащие к старшему поколению. По-иному настроены более активные и молодые исследователи, политики, представители гражданского общества. Они считают, что невозможно говорить о демократии применительно к политической системе, постоянно избегающей выяснения правды о своем прошлом, даже если количество и содержание совершенных преступлений уже не являются закрытой информацией. Испанское общество требует нового социального договора, который восстановит доверие к демократическим институтам, поскольку модель переходного периода вступила в глубокий кризис легитимности²⁴. Консенсусы, которые служили определенному обществу в определенное время, утратили свою силу. Эту Испанию историк Х. Искьердо Мартин определил как «серую» вселенную без прошлого²⁵, о котором можно было бы задуматься.

²¹ Калинина Е.Ю. Эволюция формы государства в современной Испании: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

²² Moreno R., Candela V. Amnistía y (Des)memoria en la transición española // E-I@tina: Revista Electrónica de Estudios Latinoamericanos. 2018. Vol. 16, № 64. P. 48–61.

²³ Porcar Orihuela J. L. Políticas De Memoria en España // BARATARIA. Revista Castellano-Manchega de Ciencias Sociales. 2015. № 20. P. 61–77.

²⁴ Marco J. Excepcionalidad y cainismo: los nudos de la memoria en España // Letra Internacional. 2014. Vol. 119. P. 73–80.

²⁵ Izquierdo Martín J. Recuerdo sobre fondo gris. Democracia y memoria herida en España... P. 123.

Литература

Калинина Е.Ю. Эволюция формы государства в современной Испании: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 197 с.

Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 149–173.

Arenas R. Memoria, Historia y Olvido en Las Transiciones a la Democracia // 40 Años De Democracia Argentina. La Mirada De Los Otros. Córdoba, 2024. P. 121–44.

Izquierdo Martín J. Recuerdo sobre fondo gris. Democracia y memoria herida en España // CONFLUENZE. 2018. Vol. X, № 2. P. 105–126.

Marco J. Excepcionalidad y Cainismo: Los Nudos de la Memoria en España // Letra Internacional. 2014. Vol. 119. P. 73–80.

Martínez Lamas D. Recuerdo de la Política y Política del Recuerdo Sobre el Concepto de Memoria en Hannah Arendt // Lo Sguardo – Rivista di Filosofia. 2019. Vol. 2, № 29. P. 53–75.

Mérida Donoso J.A. La Desmemoria Oficial: Reflexiones Sobre la Memoria y el Olvido en el Exilio Español // Tonos Digital: Revista de Estudios Filológicos. 2012. № 23. P. 33–44.

Moreno R., Candela V. Amnistía y (Des)memoria en la Transición Española // E-l@tina: Revista Electrónica de Estudios Latinoamericanos. 2018. Vol. 16, № 64. P. 48–61.

Movellán J. Historia, Memoria y Olvido Durante la Transición Hacia la Democracia // Les Cahiers du CTDEE (Centre Toulousain de Documentation sur l'Exil Espagnol). 2021. № 15. P. 20–28.

Pérez Baquero R. Memoria y Olvido en Nuestro Régimen de Historicidad // Actas II Congreso Internacional de la Red Española de Filosofía. Vol. III. Madrid, 2017. P. 115–126.

Pérez Serrano J. Experiencia Histórica y Construcción Social de Las Memorias: La Transición Española a la Democracia // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2004. № 3. P. 93–122.

Ponce N. Memoria, Olvidos y Representaciones // Alter/nativas, “Memoria de la Ficción, Ficción de la Memoria, Entre el Ritual y la Crítica”. Ohio University, 2018. P. 26–58.

Porcar Orihuela J.L. Políticas De Memoria en España // BARATARIA. Revista Castellano-Manchega de Ciencias Sociales. 2015. № 20. P. 61–77.

Romero L.A. Recuerdos Del Proceso, Imágenes De La Democracia: Luces y Sombras En Las Políticas De La Memoria // Clío & Asociados. La Historia Enseñada. 2003. № VII. P. 113–122.

Valdivieso A., Vera D., Pastrana E., Cabrera F., González P., Castro R. Construcción de la Memoria Histórica: Aportes Conceptuales y Metodológicos // POLICY PAPER. 2017. № 4. P. 2–22.

Vidal Prado C. La Nación Española en la Transición Política a la Democracia: Recuperemos la Memoria y el Auténtico Relato de la Transición // Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades y Relaciones Internacionales, 2021. № 47. P. 255–278.

References

Arenas, R. (2024). Memoria, Historia y Olvido en las Transiciones a la Democracia. In *40 Años De Democracia Argentina. La Mirada De Los Otros*. Córdoba, pp. 121–44.

Moreno, R., Candela, V. (2018). Amnistía y (Des)memoria en la Transición Española. In *E-l@tina: Revista Electrónica de Estudios Latinoamericanos*. Vol. 16, No. 64, pp. 48–61.

Izquierdo Martín, J. (2018). Recuerdo Sobre Fondo Gris. Democracia y Memoria Herida en España. In *CONFLUENZE*. Vol. X, No. 2, pp. 105–126.

Kalinina, E.Yu. (2005). *Evolyutsiya formy gosudarstva v sovremennoy Ispanii* [The Evolution of the Form of Government in Modern Spain]. Cand. jur. sci. diss. St. Petersburg. 197 p.

Koselleck, R. (2016). “Prostranstvo opyta” i “gorizont ozhidaniy” – dve istoricheskie kategorii [“Erfahrungsraum” und “Erwartungshorizont” – Zwei Historische Kategorien]. In *Sotsiologiya vlasti*. Vol. 28, № 2, pp. 149–173.

Marco, J. (2014). Excepcionalidad y Cainismo: Los Nudos de la Memoria en España. In *Letra Internacional*. Vol. 119, pp. 73–80.

Martínez Lamas, D. (2019). Recuerdo de la Política y Política del Recuerdo Sobre el Concepto de Memoria en Hannah Arendt. In *Lo Sguardo – Rivista di Filosofia*. No. 29, Vol. 2, pp. 53–75.

Mérida Donoso, J.A. (2012). La Desmemoria Oficial: Reflexiones Sobre la Memoria y el Olvido en el Exilio Español. In *Tonos digital: revista de estudios filológicos*. No. 23, pp. 33–44.

Movellán, J. (2021). Historia, Memoria y Olvido Durante la Transición Hacia la Democracia. In *Les Cahiers du CTDEE (Centre Toulousain de Documentation sur l'Exil Espagnol)*. No. 15, pp. 20–28.

Pérez Baquero, R. (2017). Memoria y Olvido en Nuestro Régimen de Historicidad. In *Actas II Congreso Internacional de la Red Española de Filosofía*. Vol. III. Madrid, pp. 115–126.

Pérez Serrano, J. (2004). Experiencia Histórica y Construcción Social de las Memorias: La Transición Española a la Democracia. In *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. No. 3, pp. 93–122.

Ponce, N. (2018). Memoria, Olvidos y Representaciones. In *Alter/Nativas, “Memoria de la Ficción, Ficción de la Memoria, Entre el Ritual y la Crítica”*. Ohio University, pp. 26–58.

Porcar Orihuela, J.L. (2015). Políticas De Memoria en España. In *BARATARIA. Revista Castellano-Manchega de Ciencias Sociales*. No. 20, pp. 61–77.

Romero, L.A. (2003). Recuerdos Del Proceso, Imágenes De La Democracia: Luces y Sombras En Las Políticas De La Memoria. In *Clío & Asociados. La Historia Enseñada*. No. VII, pp. 113–122.

Valdivieso, A., Vera, D., Pastrana, E., Cabrera, F., González, P., Castro, R. (2017). Construcción de la Memoria Histórica: Aportes Conceptuales y Metodológicos. In *POLICY PAPER*. No. 4, pp. 2–22.

Vidal Prado, C. (2021). La Nación Española en la Transición Política a la Democracia: Recuperemos la Memoria y el Auténtico Relato de la Transición. In *Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades y Relaciones Internacionales*. No. 47, pp. 255–278.